

МАКСИМЫ

РУССКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
XXI века

Ф. Гиренок
В. Кузнецов
М. Ермолаев

Федор Гиренок

**Русская философия
XXI века. Максимы**

«Торговый дом ИОИ»

2014

Гиренок Ф.

Русская философия XXI века. Максимумы / Ф. Гиренок —
«Торговый дом ИОИ», 2014

Короткие формы в философии всегда были востребованы – в виде ли набора отдельных фраз, или с отдельными подзаголовками, в составе книги, как у Ницше, пронумерованные, как у Витгенштейна, в стихах, как у Омара Хайяма, устные, как у Кун Цзы и Лао Цзы. Когда мы совершаем попытку строгого систематического описания мира, центром нашего философского поступка стремится стать сама система. Когда мы создаем мифолого-поэтическое описание мира, центром становится описывающий. Но если мысль намеренно прерывается – не в том месте, где она исчерпана, то есть окончательно убита словом, и не в том, где, потеряв свою энергию чувственно воспринимаемой истинности, доползает до состояния, необходимого системе, – возникает тот самый необходимый зазор, в который и просачивается смысл. Ведь целое мира не поддается окончательной формализации. Обрывочный, фрагментарный текст о мире не означает фрагментарного его восприятия, просто автор не желает выпускать наружу ничего лишнего. Существующее в виде фрагментов само, без насилия складывается в некую картину, уступая миру приоритетное право перед текстом быть целостным. И тогда центром описания становится сам мир. Авторам предлагаемого сборника такой жанр «афоризмов», или «максим» кажется не только продуктивным, но и крайне актуальным для нашей интеллектуальной эпохи.

© Гиренок Ф., 2014
© Торговый дом ИОИ, 2014

Содержание

Федор Гиренок	7
Введение	7
1. Что такое философия?	8
Маргиналы	8
Почему у философии неженское лицо?	8
Поступок	8
Мыслитель	9
Тайна мышления	9
Двойная непрозрачность философии	10
Утешение	10
Овод	11
Непослушание философа	11
Преподаватели философии	11
Пастиш	12
Паталогоанатомы	12
Экспертиза	12
Шаги тавтологий	12
Пустые слова	13
Абсурд	13
Ускользающая философия	13
Русская философия	14
Философия и онтология	14
Антропология как философия	14
2. Аутография абсурда	15
Разумность мира	15
Встреча с абсурдом	15
Трансгрессия природы	15
Мизология	16
Безудержное сумасбродство	16
Хаос	16
Бессмыслица	17
Рефлексия по поводу хаоса, абсурда и бессмыслицы	17
Рождение абсурда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Русская философия XXI века. Максимы Федор Гиренок, Василий Кузнецов, Михаил Ермолаев

Рецензенты:

Аршинов В.И., доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН

Васильев В.В., доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Федор Гиренок

По ту сторону языка и инстинкта

Введение

Инстинкт – это природа, ее ум. Язык – это социум, материя различий. А что там, по ту сторону природы и социума? По ту сторону находится предельность состояний, именуемая аутизмом, то есть зависание между природой и социумом, с одной стороны, и воображаемым – с другой. Событие зависания определяется трансгрессией за пределы внешних детерминаций и одновременно остановку перед возможностью внутренней детерминации. Не различие человека и вещи составляет смысл аутистического зависания, называемого в философии апатией, атараксией, скепсисом, безразличием. Как попасть по ту сторону добра и зла? Нужно, говорит Ницше, научиться сопротивляться привычкам мышления и привычкам чувства.

1. Что такое философия?

Философия – это то, при помощи чего меньшинство отделяет себя от большинства людей, отмахиваясь от них как от назойливых мух. Философия – это граница между большинством и меньшинством. Как эта граница устанавливается? Очень просто. Вот пример. Мы смотрим на чашку. Что мы видим? Чашку. А что видит философ? Чашечность. Чтобы увидеть чашку, достаточно иметь глаза. А чтобы увидеть чашечность, нужно, скажет философ, иметь ум. Как только исчезает различие между меньшинством и большинством, исчезает и философия.

Философию придумали умные люди, которые не принадлежали к большинству, у которых не было своего места в мире. Поэтому умные люди всегда неуместны и несвоевременны.

Маргиналы

Философ – это, прежде всего, иммигрант, «лимитчик», гастарбайтер. Он всегда не местный. Он приехал откуда-то со стороны, из другого мира. Например, из Малой Азии в Грецию, как Анаксагор, которому в Афинах было ничто не мило, ничто не дорого. Для всех греков солнце – это бог, для Анаксагора – это камень. Понятно, что греки прогнали Анаксагора из Афин, и он умер.

Философ ни к чему не привязан, ничего не ценит, ко всему относится критически. Его не устраивают ни местные боги, ни местные традиции, ни местные власти. Философия – это всегда взгляд другого, взгляд со стороны, из иного мира. В нем, как у Гераклита, нет ни сочувствия к людям, ни сопереживания, но есть любопытство.

Философ – эстет, метафизик, а философия с самого начала является потусторонним взглядом на привычное, на близкое. Сократ, ученик Анаксагора, хотя и был из местных, но вел себя как философ, то есть как чужестранец, как посторонний, разрушая мир подручного, обжитого, конечного. За это, да еще и за высокомерное поведение в суде, его и убили.

Никто не знает, оплакивала ли его Ксантиппа или нет, но к философии она не имела никакого отношения.

Почему у философии неженское лицо?

Неженское это дело заниматься философией. Почему неженское? Потому что философия рождается в обожающем взгляде, который бросает один мужчина на другого. Философы – это люди лунного света. У них то, что они чувствуют, растворяется в том, что они видят. Тогда как у всех нормальных людей видимый мир растворяется в мире переживаемом.

В момент, когда философия начинает рождаться в обожающем взгляде женщины, бросаемом на мужчину, тогда начинается деградация философии. И мужчина, как Ориген, должен оскотить себя, чтобы остаться философом.

Если взгляд обожания бросает на женщину мужчина, то от этого взгляда рождается не философия, а дети. Обожание между женщинами ни к чему не ведет. В нем ничего не рождается, кроме техники овладения телом. Но овладеть техникой – не значит совершить поступок.

Поступок

Философия – это поступок. Поступать – означает самого себя класть в основание цепочки причин и действий. Только маргиналы могут представлять философию как личностный акт,

как поступок, ибо только они, вступая в конфликт с традицией, могут класть себя в основание причинных цепей.

Если философия – это поступок, то философ – это не профессор в очечках, а киник или юродивый. А это значит, что в пространстве философии пульсирует асоциальная по своей природе энергия, заставляющая философа выходить за пределы, переступать нормы, то есть быть как бы социальным преступником. Философия вообще является социально приемлемым видом интеллектуального юродства. Киник Антисфен говорил, что лучше быть животным, чем человеком, а также, что лучше быть варваром, чем эллином.

Сегодня философ – это не философ, а актуальный художник, акционист, устроитель перформансов. Это группа «Война» или Кулик и «Синие носы». Но перформанс – это не поступок, у которого есть следствия, а эпатаж, пощечина общественному вкусу. А это значит, что современные философы существуют за пределами философии. Тем самым мы имеем двойной разрыв в виде философии без философов и философов без философии.

Мыслитель

Традиционно философ понимается не как киник, а как платоник, то есть как мыслитель, а философия – как мышление. Философы – это мыслители. Они, – говорит Хайдеггер, – называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии. Мыслитель – это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое, отвечая на вопрос: что это? И почему это, а не то?

Например, мы хотим понять, почему люди тоскуют, почему они не могут жить без тоски. Мы идем за помощью к ученому. Ученый, отвечая на этот вопрос, непременно расскажет что-нибудь об устройстве нейродинамических структур мозга. Но этот рассказ мы не можем сделать фактом своей сознательной жизни. И тогда мы идем к философу. Философ не пойдет по следам ученого, ибо ученый, на его взгляд, не мыслит. Он испытывает природу. Философ же мыслитель, то есть он, следуя за Декартом, скажет, что все дело в добре и зле, в том, что добро субстанциально, а зло функционально. То есть добро может существовать без зла, а зло без добра – не может. А это значит, что нельзя провести ясную границу между добром и злом. И, выбрасывая зло, нам приходится вместе с ним выбрасывать и добро. Вот об этом добре и тоскует человек. Этот рассказ расширяет наше сознание, хотя мы не узнали из него ни что такое добро, ни что такое зло.

Мышление – это логически упорядоченные грезы, путешествие воображения в то, что может оказаться истиной.

Тайна мышления

Тайна – это не секрет, который мы знаем, но о котором мы никому не говорим. Тайна – невыговариваемое в речи, то, что принуждает нас к речи, но речью не является.

Когда мы говорим о тайне мышления (а мышление – это тайна), то говорим о невыговариваемом в мышлении, о немислимом, о том, что принуждает нас к мысли, но само мышлением не является.

Что же в мышлении есть такого, что не выговаривается в нем? Может быть, тайна мышления в восприятии? Что же такое восприятие? Хайдеггер полагает, что воспринимать – значит замечать присутствующее. Но заметить присутствующее – это еще не значит мыслить. В противном случае, баран, заметивший стог сена, оказался бы настоящим мыслителем.

Может быть, воспринимать – значит другое, а именно: изъять себя из состава наличного, из порядка того, что не скрывает своего присутствия. И действительно, в нашем «я» отражается весь мир, но в этом мире нет «я», то есть в нем есть какая-то дыра, какой-то изъян. И это

меняет представление о восприятии, ибо мы воспринимаем не потому, что нечто присутствует, а благодаря тому, что нечто изъяло себя из мира. Конечно, мы можем воспринимать и то, что отсутствует. Например, мы не видим своего друга среди присутствующих в кафе. Но его отсутствие – это не дыра в мировом порядке, ибо он присутствует в другом месте.

Что же изымает себя из состава бытия, чтобы воспринять его в качестве присутствующего? Изымает себя наше «я». «Я» – это изъятие себя из того, что присутствует. Изъятое из мира «я» является грезой. Грезящий человек не является вещью среди других вещей или, что то же самое, мышление и бытие не одно и то же. Мыслить – значит изымать себя из состава сущего. Изъятие «я» позволяет миру открыться для восприятия.

Грезы дают нам возможность мыслить, то есть они дают нам то, что уже имеют в себе. И в этом смысле мыслить значит грезить. Грезы не создаются нами. Они приходят к нам, не основываясь на представлениях о вещах, предъявляя нам то, чего нет в мире. Движение к предметности начинается с беспредметной грезы, которая, овладев телом, впервые являет себя миру в самоаффектации.

В самоаффектации я не говорю, что пришла весна. Я улыбаюсь, я беспричинно рад. Я радуюсь радости. Моя радость имеет причину во мне. Но чувство радости не перестает быть чувством, хотя оно и связано с тем, что пришла весна. Это чувство не подлежит проверке в терминах истины и лжи. И только в момент, когда я понимаю, что весна пришла не потому, что я рад, и не для того, чтобы обрадовать меня, я начинаю мыслить, то есть полагать содержание радости (то, что весна пришла) в качестве объекта, от радости не зависящего. Теперь радость и весна – это два разных события. «Пришла весна» – это уже суждение предметное, подлежащее проверке на истину и ложь. Так совершается то, что называется мышлением, тайна которого всегда коренится в грезах.

В русской философии тайна мышления связывается с теорией сердечного человека. Суть этой теории И. Киреевский формулирует так: «что есть в сознании и чего нет в чувстве, то – ложь данного человека».

Мышление только тогда становится точным, когда в нем совпадает чувство и сознание.

Двойная непрозрачность философии

Философское мышление обладает двойной непрозрачностью. Она непонятно большинству. А после того, как оно стало непонятно большинству, оно становится непонятно и самим философам, ибо их мысли сегодня куда-то улечиваются, а слова остаются, и эти слова ничего не говорят о мысли. Поэтому все упования современных философов на то, что их непонимание может вдруг оказаться светоносным.

Если философия – это пространство свободного мышления, если это путешествие в мир ненаблюдаемых сущностей, то философ – это метафизик, то есть человек, который утратил связи с сознанием повседневности. Философия как метафизика никого лично не касается. И поэтому она подлежит забвению.

Утешение

Чтобы не попасть в список того, что забывается, философия должна отречься от метафизики, а философ должен объявить себя антиметафизиком, то есть тем, кто хочет вернуть сознание в мир обжитого, конечного. Для этого ему, как блудному сыну, нужно объясниться со своими родителями, то есть со здравым смыслом.

Но если философия перестает быть метафизикой, то тогда ее нужно понимать как утешение, а философа – как утешителя, который практикует субъективирующее мышление. То есть что он делает? Он переводит униженных и оскорбленных из одного состояния в другое, в кото-

ром они забывают о том, что унижены и оскорблены. Люди, как дети. Философ – это взрослый, который всегда может сказать детям: смотрите, птичка пролетала. И дети будут смотреть, забывая о боли и страданиях. Тем самым философия становится коллективной психотерапией.

Овод

Философия как утешение – это цветок, из недр которого неохотно выползает философ-шмель, философ-овод. Оказывается, философия не столько утешает, сколько кусает и больно жалит. Она припекает и обжигает. Она не дает спуска никому: ни обывателю, ни ученому, ни священнику, ни самой себе. В философии есть что-то садистское и мазохистское. Поэтому философа никто не любит. Он одиночка. Анахорет. Человек пещеры. По словам Антисфена, человеку пристало жить без общины, без дома, без отечества. Социум преследует философа. Философ отвечает миру взаимностью. Он не любит людей, и особенно не любит политиков, которые присвоили себе такого монстра, как социум.

Философия – это способ, которым маргинал, одиночка, шизофреник и аутист мстит социуму. Протагор расшатывал социум своей софистикой. Социум сжигал его книги на площадях и прогонял его из Афин. Поскольку социум – это массы, связанные языком, постольку философия расшатывает язык, расплавляет смыслы и значения слов. В результате слабеют социальные цепи, ослабляется власть политиков. Если не расшатать вяжущие связи языка, то нельзя освободить свое уже-сознание. А без уже-сознания люди – социальные куклы. Если язык укрепляет социальные связи, то сознание расшатывает их, обнаруживая зыбкость человеческого существования. Философия расплавляет смыслы в безнадежной попытке извлечь новый смысл, затрудняющий превращение человека в марионетку.

Философ не любит рассуждать о языке своей философии. Он не интересуется познанием познания. Философ – делосский ныряльщик, а не рефлексун. Ему нужно достать со дна моря жемчуга смыслов, а не наблюдать за рефлексивной рябью поверхности мысли.

Непослушание философа

Как ни странно, философия, будучи любовью к мудрости, не любит ум. Почему? Потому что ум нужен всегда другому. Другой выращивает в нас ум для того, чтобы сделать нас послушными. То есть быть умным – значит быть послушным. Философия не хочет, чтобы мы были послушными. Она помогает нам все делать так, чтобы в нас ничто не проникало без нашего на то согласия. Она дает нам ту меру безумия, которая позволяет нам оставаться такими, какие мы есть. А мы всегда уже есть такие, какими мы еще только хотим стать.

Ум сопряжен с политикой, с выстраиванием пространства послушания. Политики используют ум для того, чтобы задним числом оправдать те глупости, которые они делают. Философия приучает нас слушать вне горизонта послушания.

Преподаватели философии

Помимо политиков потребность в уме испытывают преподаватели философии. Любой преподаватель – это политик, ибо он нуждается в послушании. Его философия – это учебники по философии. Учебники – это то единственное, что не может тебя укусить, задеть, и одновременно то, что нельзя расшатать и расплавить, то есть нельзя вернуть философии, офилософить.

Пастиш

В любом современном философском тексте можно найти следы другого текста. А это значит, что тождественность текста самому себе не гарантирована авторской подписью. Сен-Симон, присваивая тексты Конта, не разрабатывал стратегию апроприации. А Гегель, которого Шеллинг подозревал в подражании своему стилю, не имел склонности к применению техники палимпсеста. Что бы Гегель не писал, через его тексты проступал не Шеллинг, а Гегель, равно как в текстах Маркса проступал не Фейербах, а Маркс.

Современный философский текст – это лоскутное одеяло, сшитое в апроприативной технике. В нем есть неотмеченные цитаты, пересказы, референции, аллюзии и отмеченные цитаты.

Плагиат выступает сегодня в благородной форме пародии и в стиле пастиш, как подражание мастеру. Ирония покровительствует откровенной эксплуатации ранее найденных философией схем мысли. В ней под видом отрицания существует утверждение. И наоборот. Какой бы текст философ не написал, в нем обязательно проступит уже кем-то написанная фраза: например, «бытие определяет сознание». Так действует философский палимпсест.

Паталогоанатомы

Философия – это не история философии. Историки – это паталогоанатомы философии. Всякая философия умирает, если она перестает плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами, своими метафорами и абсурдом. А это значит, что сегодня философы не мыслят сами. Они могут только переживать заново те мысли, которые ранее были помыслены. А поскольку помысленные мысли на дороге не валяются, постольку их надо как-то добывать, находить, то есть реконструировать. А это уже дело эксперта.

Экспертиза

Современная философия – это экспертиза. А экспертиза по своему существу есть нечто бесполое. Поэтому сегодня философы не являются ни мужчинами, ни женщинами. Они являются экспертами, гуманитарными технологами.

Если философия – это экспертиза, то она не может быть личностным актом, поступком. Эксперт не может положить себя в основание нового ряда явлений, так как для этого ему нужны еще одни основания., которые ведут к дурной бесконечности. Он не маргинал. Философия эксперта – это философия без поступка. А философия без поступка – это просто болтовня, языковое неистовство, отношение к объекту, не опосредованное отношением к самому себе.

Эксперт даже не мыслитель, ибо он глух к шагам тавтологий в пространстве мысли.

Шаги тавтологий

Философия – это имена. А каждое имя – это сжатая пружина смысла, энергия стиля. В философии есть ритм, и нет проблемы начала. Философ может начинать с чего угодно и говорить о чем угодно. Но его язык всегда будет непреднамеренно тавтологическим, то есть пустым. Например, прекрасное, согласно Платону, прекрасно благодаря прекрасному. Эта пустота не просто пустота, она, как «Черный квадрат» Малевича, полна и плодотворна. В любой философии слышны шаги тавтологий. Они слышны, например, в определении понятия субстанции. «Под субстанцией, – говорит Спиноза, – я разумею то, что существует само в себе и представ-

ляет само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться». Так возникает философский дадаизм.

Тавтологии очаровывают. В них есть дробь барабана, монотонный повтор и невозможность найти аналог повторяемому. «Я» – это всегда «я», и найти замену «я» невозможно. Но не всякая тавтология является философской. Если я говорю, что дом – это дом и больше ничего, то я лукавлю, ибо в доме может быть гостиница, столовая, пристройка. Если я говорю о добре, то я имею в виду, что добро – это добро, и больше ничего в нем нет. Для всякого дома найдется причина. Для добра нет причины. Повторение того, что имеет причину, является скучным и неплодотворным. Высказывание «дом – это дом» не есть философская тавтология. Повторение же того, что не имеет причину, является плодотворным, ибо оно требует усилий. Например, усилие мысли нуждается в пространстве пустых слов.

Пустые слова

У каждой философии есть своя мелодия. Мелодия – это ключевая метафора. Философия без метафоры – это как корова без вымени, без молока. В ней смысла нет. Метафора – исток, образ, то, откуда берет свое начало мышление. Чтобы появилась метафора в языке, нужны пустые слова. Философия обожает пустые слова. Например, «бытие» – пустое слово, «я» – пустое слово. Благодаря этой пустоте можно сказать: я – дом, я – солнце, я – зверь, потому что я – ничто из того, что есть.

В философии, как в музыке, есть свой контрапункт. Этот контрапункт задается обменом негативностью. Например, радость – это не горе, а горе – это не радость. Радость возвышает, горе низвергает. Но иногда антонимы вступают в позитивный обмен смыслами. Например, ты ждешь повышения по службе, а все места заняты, и вот умирает твой друг, место для тебя освобождается. Между радостью и горем происходит обмен смыслами. И ты испытываешь горькую радость. Так ты узнаешь о существовании абсурда.

Абсурд

Каждая философия несет в себе свой абсурд, благодаря которому освобождается не языковое в языке. И истина оказывается не истиной, а ложью. Равно как заблуждение оказывается не заблуждением, а истиной. Благодаря философии мы узнаем о существовании мира, в котором нет ни лжи, ни истины. Этот мир иногда называют миром симулякров. Любое начинание, всякий первый шаг рождается в состоянии, о котором ничего нельзя сказать на языке истины.

Философия без парадоксов – это не философия, а инструкция. Абсурд выводит философию за пределы языка к молчанию. Любая философская мысль пульсирует между тавтологиями и абсурдом.

Ускользающая философия

Чтобы сегодня понять, что такое философия, нужно научиться читать философские тексты, чтобы потом убедиться в том, что философ – это не тот, кто умеет читать эти тексты, а тот, кто умеет говорить о том, о чем невозможно молчать.

Нужно научиться говорить, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет говорить красиво, а тот, кто умеет слушать.

Нужно научиться слушать, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет слушать, а тот, кто умеет молчать.

Нужно научиться молчать, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет молчать, а тот, кто умеет грезить, сопрягая грезы со словом или поступком, соединяя видимое и невиди-

мое, языковое и безъязыкое. Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность. Эту возможность ему дают грезы.

Каждый человек грезит. Русские грезы актуализируют русские философы.

Русская философия

Русская философия возникает вне философии, поэтому в ней нет желания разрушать подручный мир обжитого. Функцию разрушения берет на себя русская интеллигенция. Философы – охранители преданий, они, как Аксаков, отзываются не на зов бытия, а на зов дома. Бытие – это не дом, и язык – это не дом бытия. Как говорил Шпет, язык наш – враг наш. Бездомность является отличительным признаком мысли интеллигента. В России философы – не интеллигенты, а интеллигенты – не русские философы.

Философия и онтология

Бытие – это то, чего не было и никогда не будет. Оно всегда есть. Но если оно всегда есть, то внутри него нет смены состояний. А если в нем нет смены состояний, то оно не имеет никакого отношения ко времени. А если оно не имеет отношения ко времени, то нужно говорить об идеи бытия. Сущее существует без бытия. Бытие не существует без сущего. Но и человек – это идея человека, то чего никогда не было и никогда не будет. Человек уже есть, но как Христос, как то, внутри чего нет смены состояний.

Чем же отличается бытие от человека? Тем, что у бытия нет боли и нет страха. А у человека есть и то, и другое. Онтология смещает человека из центра философии и превращает его в нечто необязательное. Онтология была бы возможна, если бы бытие не зависело от человека. Но бытие, не зависимое от человека, это существование, а не бытие. Есть только одно бытие. Это бытие человека. Или еще строже. Есть только одно бытие – бытие Бога, никакого другого бытия нет. Онтология – это необъявленная война философии с человеком, стремление философов деантропологизировать мир.

Антропология как философия

Человек – очень пластичное существо. Быть пластичным – значит быть эмоциональным, возбуждающим в себе самом чувственность. Фундаментальное свойство человека – самоаффектация.

Человек существует без сущности. Если он когда-нибудь начнет существовать с сущностью, то перестанет грезить, то есть предъявлять себе тот объект, которым хочет овладеть. Греза, овладевшая телом человека, превращает его в мыслящую вещь. В социуме живет не мыслящая вещь, а языковое существо.

2. Аутография абсурда

Аутография – это описание происхождения самости, то есть самодетерминации. Абсурд – это взрыв галлюцинаций. Самость – результат этого взрыва. Поворотом человека к самости рождаются символы воображаемого. Поворотом к реальности создаются знаки языка. Нельзя, подчиняясь логике языка, понять, как появился язык. Нельзя говорить о сознании, пребывая вне сознания. А, будучи в сознании, мы можем говорить только о символическом прошлом. Настоящее сознания ускользает от разговора о сознании. Нельзя понять человека, не понимая смысл аутизма в его действиях. Во всех этих случаях нашему мышлению нужно будет пройти от разумности мира к пространству абсурда.

Разумность мира

Мир разумен потому, что в нем для всего есть своя причина. При этом минимум сущности в нем соответствует максимуму существования. Силами реальности всякое сущее может быть приведено в такое положение, в котором оно будет испытывать действие двух причин, одна из которых исключает другую. И при этом обе причины будут действовать в одном и том же месте, в одно и то же время, в одном и том же отношении, что, конечно, уже само по себе абсурдно. Поскольку субъектом такой двойной логики является человек, постольку он абсурден, то есть в одном и том же отношении и свободен, и подчинен необходимости. Поскольку ни одно животное не может быть двойственным, постольку оно разумно. Вывод: мир сохраняет свою разумность до тех пор, пока ему удастся уклониться от встречи с абсурдом.

Встреча с абсурдом

Человек – это неудачная попытка мира уклониться от встречи с абсурдом. В феномене человека закодировано неумение спрятать себя в складках наличного, затеряться в просторах возможного. Поэтому человек подчинен одновременно и логике свободы, и логике нудящей необходимости. Человек – это плата разумного мира за встречу с абсурдом, перед которым разум слагает свои полномочия, отказываясь быть поводом. Поэтому на любом человеке всегда, как клеймо, лежат следы, оставленные его изначальной неразумностью.

Трансгрессия природы

Силой абсурда человек устанавливает себя как мыслящее, но неразумное существо. В той мере, в какой он грезит, он выходит за пределы наличного.

Выходя за пределы наличного, человек перестает быть природным существом. Перестав быть природным существом, человек не становится существом культурным. Трансгрессия границ биологии не означает скорого попадания в мир социума. Она также не означает появление какого-то обезьяночеловека. Она означает появление воображающего человека и начало войны между телом и организмом. Организм служит застывшему интеллекту природы. У него есть органы. Тело подчиняется суггестии грез. У тела есть функциональные органы. Человек – это промежуточное, не эволюционирующее, а трансгрессирующее существо, которое находится между природой и социумом. Он возник не более 50 тыс. лет назад, тогда как его социальная история началась не более 15 тыс. лет назад. То есть трансгрессирующее состояние в филогенезе занимает у человека 30–40 тыс. лет, а в онтогенезе оно занимает около двух лет и заканчивается тем, что язык подчиняет грезы человека социуму.

Мизология

«Мизология» – это термин философии Канта. Он обозначает нелюбовь человека к сознанию. Почему возникает эта нелюбовь? Потому что сознание лишает человека радости жизни, отнимая у него счастье. Что же в сознании есть такого, что лишает человека счастья? Это грезы, которыми человек действует на себя и которые не позволяют действовать на него вещам. Среди этих грех есть и грезы самоограничения человека. Сознание – это первичное самоограничение человека, то есть способ, которым он самому себе наносит ущерб. В свою очередь, Бог является первичной актуализацией самоограничения человека, то есть условием его существования.

Поскольку сознание возникает не для знания, а для причинения себе ущерба, постольку человеческий ум является объективацией страдания. Тогда как для самосохранения, для достижения практической пользы, равно как для игры в шахматы, нужно не сознание, а интеллект, ум природы, то, что стоики называли инстинктом. А поскольку этот ум сложил свои полномочия перед абсурдом, постольку человек оказался без поводыря в мире грез и галлюцинаций.

Вывод: для устройства счастья человеку нужно не сознание, а инстинкт. Сознание же может только грезить о счастливой жизни, если она уже есть. Мизология – это ненависть к разуму человека и тоска по инстинкту природы. Сознательный разум возникает не для счастья, не для целесообразного устройства жизни, не для пользы, а для наведения порядка в мире человеческого воображения, его безумного сумасбродства. Ум сводит на нет то, что может дать инстинкт, а инстинкт может дать нам счастье. Быть автоматом – это счастье, быть умным для человека – это несчастье. Ничего, кроме ярма на шею и больших тягот, ум человеку не дает. Мысль о наслаждении удаляет от нас наслаждение, а мысль о счастье удаляет от счастья.

Безудержное сумасбродство

Человеческий разум – это вторичное следствие встречи реального с абсурдом, ибо первичное следствие состоит в безудержном сумасбродстве иллюзий, освобожденных абсурдом из-под гнета инстинкта. Если бы не было иллюзий, не зависимых от опыта, то не было бы и того, что человек предписывает самому себе, вопреки опыту.

Скрытой основой любой свободы является произвол иллюзий. Благодаря этому произволу приостанавливаются побудительные действия сигналов среды, действующих причин природы. Воля предстает в виде такого вида причинения, свойством которого, по словам Канта, является свобода, то есть способность быть причиной своего действия, пренебрегая склонностями своей природы. Поскольку человек грезит, постольку он мыслит. Его мысли – это галлюцинации, посредством которых он ввязывается в намерения природы и которым подчиняет свои желания.

Как мыслящее существо человек получает способность определять самого себя к совершению поступков, сообразно своим иллюзиям. А как неразумное существо он выходит из-под контроля внешних побуждений.

Вывод: быть свободным неразумно, ибо свободе нужно подчинять себя иллюзиям, которые приобретают прочность моральных законов.

Хаос

Абсурд, освобождая иллюзии, освобождает место хаосу, в котором все возможно, но ничего нельзя. И нет никакой внешней силы, которая бы могла принудить хаос к ограничению возможностей, кроме самого хаоса. Для человека плодотворен не детерминизм, а хаос. Безудержное сумасбродство хаоса дает нам чистую возможность, без какой-либо ее связи с налич-

ным. В нем бытие не бытийствует, а ускользает. В модусе ускользающего бытия ни одно действие не имеет ни смысла, ни цели. Безудержное сумасбродство хаоса заманивает одним тем, что в нем все возможно. А все возможно потому, что ничего нельзя, ничто не имеет смысла.

Вывод: всякому смыслу предшествует движение без смысла. Любой смысл появляется только потом, вторым шагом и тогда уже не все можно.

Бессмыслица

Бессмыслица свалилась с небес хаоса. Это, как бы сказал Гегель, еще свобода в себе, ей нужно пройти путь самоограничения, чтобы стать свободой для себя, чтобы подчинить себя своему закону. Если хаос говорит, что ничего нельзя, то свобода отвечает ему, что не все возможно. Бессмыслица – это не антоним смысла и не отсутствие смысла, а его предварение. Если бы это было отсутствие смысла, то оно бы никогда не породило его присутствие. А бессмысленное действие может подарить себе смысл. Поэтому изначальное человеческое действие – это действие без смысла, которое всегда предшествует смыслу, появляющемуся вдруг, неожиданно. Только абсурдность существования позволяет человеку придавать смысл бессмысленному.

Рефлексия по поводу хаоса, абсурда и бессмыслицы

1. Антропологический дискурс может строиться двояким образом. Если мы полагаем, что непрерывным и однородным преобразованием мы можем прийти от современного человека к моменту его возникновения, то это будет линейный дискурс. Этот дискурс лежит в основе современной натуральной антропологии, в которой предполагается, что человек коммуникативно и причинно обусловлен. Линейными преобразованиями получить из современного человека – воображающего человека нельзя.

Если же мы полагаем, что для человека нет причин, то нам нужно согласиться и с тем, что однородным и непрерывным преобразованием современного человека мы не сможем получить начальную точку его существования. Мы никогда не сможем к ней прийти, она все время будет отодвигаться, ибо она будет требовать от нас не эволюционной логики, а парадоксальной. То есть начало и конец человека объединены не линейной логикой, а антиномично.

Все это позволяет сделать вывод о том, что у человека нет сущности, что его место всегда пусто и требует постоянной самоактуализации.

2. Абсурд – это и то, что рождает человека, и одновременно то, что рождено человеком. Почему при обсуждении вопроса о способе существования человека непременно возникает идея абсурда? Потому что иным образом нельзя обесмыслить привычное различие между теоретическим действием и практическим. А обесмыслить его нужно, ибо и то, и другое основано на представлении вещей, в котором представление конкурирует с вещью. Эпоха представлений заканчивается в абсурде, обнажая то, что основано на законах свободы.

3. Хаос – это, конечно, что-то беспредельное, смешивающее в одну кучу все стихии и, следовательно, нечто беспорядочное, нелинейное. В стихотворении Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» передается изначальная тревога и первобытная настроенность души человека, который слушает, как воет ветер. То есть он слушает приближение к себе шагов той бездны, в которой сгинут и он, и ветер. «О, бурь уснувших не буди – под ними хаос шевелится».

Вот человек и есть это непрерывно воспроизводящееся осознание того, что под ним шевелится хаос и никакими скрепами, никакими структурами этот хаос не упорядочить, не закрепить. А это значит, что во всякой структуре всегда будет нечто нами не структурируемое.

У греков хаос понимается как зияющая бездна, которая, в свою очередь, может пониматься и как пустота, и как ничто, и как вечное становление. Зияние указывает на зев, на раз-

верзшуюся пасть, в которой все пропадает. В хаосе нет связи между началом и концом. Здесь существуют начала, которые никак не начнутся, и концы, которые никак не закончатся. А значит, в нем есть все. Хаос есть место, которое вмещает себя в целое. А его беспорядочность оказывается творческой полнотой.

4. В современной французской философии понятие хаоса заменяется хаосмосом, тем, что не является ни хаосом, ни космосом, а чем-то средним, неустойчивым и нестабильным. То есть Лиотар и Делез попытались в самой материи языка утвердить нестабильность, бесструктурность хаоса, показывая неразличимость в нем хаоса и космоса. Хаос потенциально космичен, но эта его космичность имеет множественный характер. Она не ограничена единственно возможной версией обретения смысла.

Рождение абсурда

Кант в «Основах метафизики нравственности» настаивает на том, чтобы мы мыслили поступок человека свободным и необходимым в одном и том же смысле, в одном и том же отношении. Не может быть так, чтобы в одном отношении я был свободен, а в другом – нет. «Человек должен и представлять и мыслить себя таким двояким образом»¹. А это значит, что аналитика человека, ограничиваясь плоским правдоподобием, не может помыслить необходимо соединенным то, что исключает друг друга. Человек – это практический априорный синтез чувственного и сверхчувственного, которому не надо выходить за пределы самого себя, чтобы найти безусловное для условного, умопостигаемое для чувственного.

Абсурд, – говорит *Делез*, – есть то, что существует без значения, как, например квадратный круг или гора без долины². Чем плоха эта формула? Эта формула плоха тем, что она заставляет нас понимать абсурд концептуально. Например, я взял лестницу и залез на крышу. Лестница имеет для меня значение. Но для того, чтобы ходить по крыше, мне лестница не нужна. Она для меня не имеет значения. Но следует ли отсюда, что я буду абсурдно ходить по крыше? Нет.

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. С. 239.

² Делез Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 58.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.